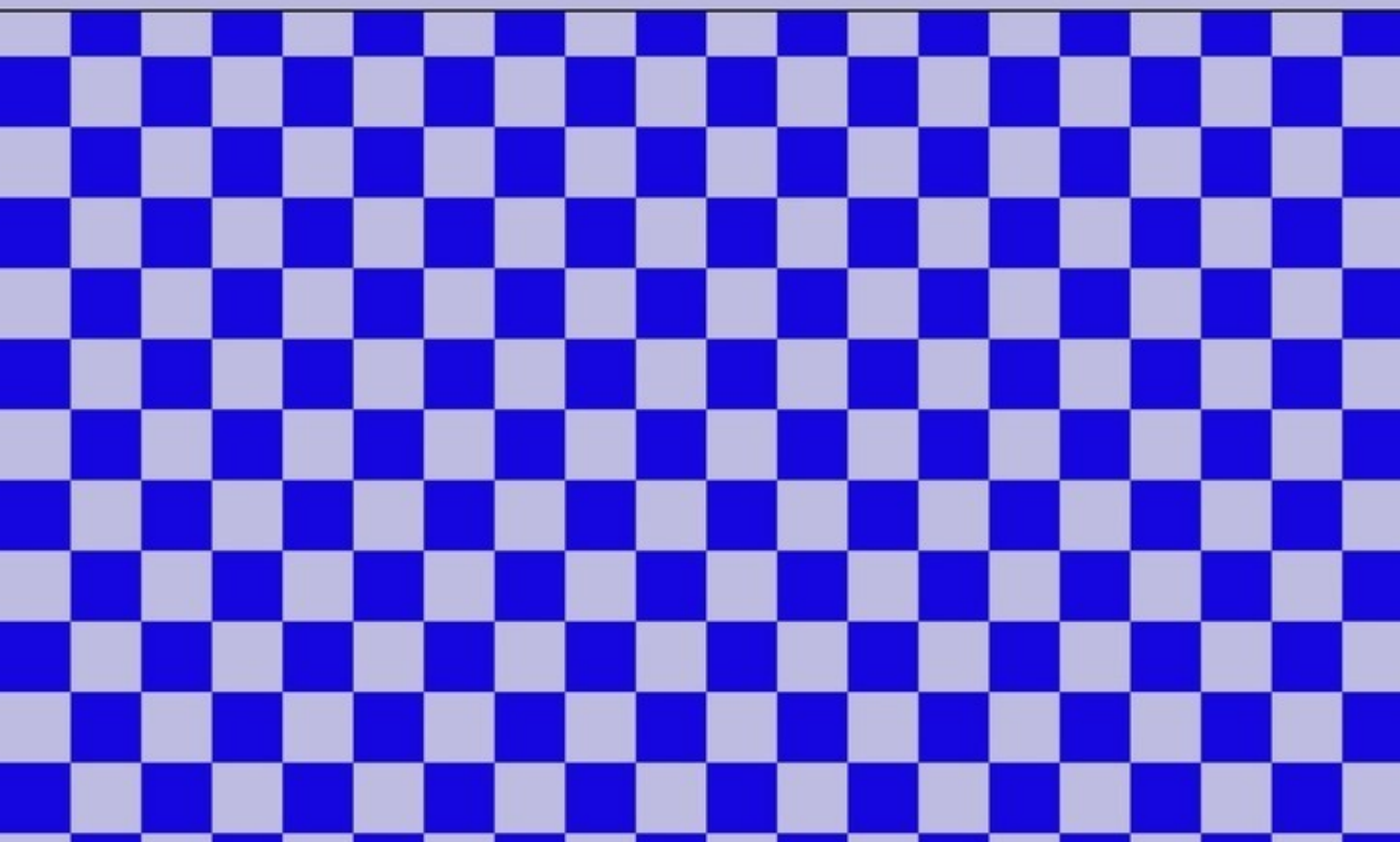

Леонид Кузнецов

*В реке
времени*

Фантастическая повесть

Леонид Кузнецов

В реке времени

«Издательские решения»

Кузнецов Л.

В реке времени / Л. Кузнецов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748085-1

Герои повести, испытатели «машины времени», попадают в сложную ситуацию, но с честью выходят из неё, как и подобает людям совсем недалёкого будущего.

ISBN 978-5-44-748085-1

© Кузнецов Л.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

В реке времени
Фантастическая повесть
Леонид Кузнецов

© Леонид Кузнецов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

10 час. 12 мин.

...испытатель Дрей «провалился» во «временной разлом». Попытки выключить хроноскоф, чтобы он вышел в обычный режим, ни к чему не привели. Хроноскоф самостоятельно перешёл в автономный режим.

Готовится дублирующий хроноскоф с испытателем Кедриным...

(Из журнала испытаний)

Во время испытаний дублёру почти нечего делать. Обычно работает только пульт хрона (так неофициально называют хроноскоф), повторяя всю рабочую программу основного аппарата. А дублёр сидит и скучает, или дремлет в кресле, или читает, как это обычно делаю я. Но это в зависимости от настроения.

Я в очередной раз попал дублёром в паре с Дреем. Вообще, когда идёт подготовка к испытанию, то дублёр втайне надеется, что с основным испытателем что-нибудь случится: насморк или голова заболит. Конечно, он ни в коем случае этого тому не желает. Просто от доброй зависти так думает. Вдруг у основного давление поднимется от предстартового волнения, а дублёр тут как тут. У него давление не поднимется, поскольку он знает, что не пойдёт во времени, поэтому и не волнуется. А когда уже старт дан, там не до измерения давления. Каждый опыт, каждое испытание – это не только проверка качества хроноскофа, его работоспособности, но так же и проверка человека, сидящего в кресле аппарата. А какой настоящий испытатель откажется проверить себя на прочность, как физическую, так и моральную? Любой, конечно, захочет...

Но когда идёшь в паре с Дреем, то рассчитывать на замену бесполезно. Он самый опытный из всех испытателей. Был среди самых первых. Их в Институте Времени осталось работать всего пятеро. Четверо перестали ходить во времени, работают кто в охране, кто завхозом. А Дрей ещё ходит. Здоровье у него железное, и мужчина видный. Ростом метра два, плечищи – во! Ручищи тоже. Лицо приятное: открытое, доброе. Волосы светлые, глаза синие. Губы твёрдо сжатые. Характерная у него привычка: когда разговаривает с кем-либо, то смотрит, не мигая, в глаза собеседнику. Я часто, по службе, с ним разговаривал, и ощущение от этого взгляда оставалось довольно-таки неприятное. Будто рентгеном просвечивает.

Говорят, что он начинал всю хронофизику вместе с Новиковым, который сейчас является руководителем всего института. А потом чего-то они повздорили, и вот теперь один академик, а другой испытатель. Правда, Новиков, хотя и академик, но какой-то не такой... Трудно объяснить, какой... Скрытный, что ли? Нет. Себе на уме – вот это лучше подходит. А Дрея за версту видно, что свой парень. С таким в разведку не страшно идти, как когда-то фронтовики говорили. В беде не бросит.

Кстати, когда эти хроны, что мы обкатываем, отдадут учёным-историкам в пользование, то поставят ещё кресло, чтобы двое ходили. Так сказать – рулевой и пассажир-историк. Только для этого, естественно, аппаратам придётся мощности добавить побольше, чтобы двоих перемещать во времени.

Ну вот, сижу я, значит, в своём дублирующем хроне, думы думаю и на пульт смотрю, на котором мониторы светятся да индикаторы перемигиваются. Дрей где-то в межвременном пространстве летает, а может быть, и нет. А всё потому, что многие не могут представить себе, что такое время, межвременное пространство, хронодвиги и хроновихри, и многое другое, что связано со временем. Эти термины, как мне кажется, придуманы учёными для того, чтобы

было легче ориентироваться в тех непонятных явлениях, которые появились после проникновения в межвременное пространство

Когда знакомые, которых давно не видел, спрашивают при встрече: «Где работаешь?» и слышат об Институте Времени, да ещё то, что работаю испытателем, то начинают говорить о романтике этой профессии. Я сам три раза ходил во времени и честно скажу, что романтики никакой нет. Время – это такое... Даже сразу и не выразишь. Слов не хватит. Вообще, как сказал академик Новиков: «Время – это икс неизвестных в иксовой степени». Кто грамотный – тот поймёт. Для меня же время представляется рекой без берегов, без конца и без начала. И все мы плывём в ней по течению. Сейчас же, на испытаниях, пытаемся грести против, но что-то плохо получается...

Когда идёшь во времени, то ничего особенного не испытываешь. Разве что весь липкий становишься от собственного пота. Стенки хронокафа бронированные, непрозрачные, окошек и иллюминаторов нет. Только на мониторах видишь, что снаружи творится. И вот, сколько ходил в межвременье – ничего особенного. Лабораторный зал, где хронокафы стоят, видно, и люди все тут, никуда не исчезают. Лишь странно замирают и не шевелятся. Словно статуи, но не из бронзы или мрамора, а живые и неподвижные, лишь глаза и кожа на лицах блестят. Всё это немного пугает. Правда, один раз все мониторы какой-то серой пеленой затянуло, словно туманом, а в нём огоньки блуждали. Но мне потом сказали, что это аппаратура не так работала, как надо. Но я сразу понял: сами ничего не знают и меня решили успокоить, чтобы не боялся во времени ходить. А чего мне бояться? Это чувство у меня появляется в тот момент, когда на экранах люди-статуи оживают, а руководитель испытаний в микрофон сообщает, что опыт окончен. И только тогда выползаешь из капсулы на ватных ногах. Раньше, самых первых, овациями встречали и цветами, а сейчас нет. Обычная работа. Опасная и нервная.

Нервная потому, что пока готовишься к испытаниям, столько нервов истреплешь... Врачи, консультанты, историки, учёные – все задают сотни вопросов, нужных и ненужных. И попробуй не ответить хотя бы на один. Тебя придержат, а другого допустят к опыту: того, кто на все вопросы ответит.

Ну, а страшно оттого и бывает, что опасно. С самого начала хождения в межвременье два человека исчезли. Пропали – и всё... Как и почему – непонятно. Вообще-то испытателям во время работы хронокафа по инструкции не положено вставать с кресла. Нам говорят: «Ваше дело опробовать аппарат, проверить его работоспособность, его функциональные возможности, а останавливаться и выходить – это дело историков». Но когда испытатель уходит в межвременное пространство, контролировать его действия трудно. Вся надежда на дисциплинированность и порядочность испытателя. Конечно, непредвиденные случаи бывают. Всего не предусмотреть... После каждого случая исчезновения, все испытания прикрывают, и перед различными комиссиями отчитываться приходится. А у всех комиссий вопрос один: «Куда исчезают люди?» Если бы знать...

Историки пытались искать в различных древних документах намёки на то, что появлялись люди, необычные для какого-то определённого времени. Но только эта затея оказалась безрезультатной. Во все времена такие люди были. Так что же, всех гениев считать пришельцами из будущего? Гипотезу эту отклонили, как бездоказательную. А чтобы как-то объяснить исчезновения людей, хронофизики напридумывали всякие «временные разломы», «складки времени», «хронодвиги» и прочие разные штуки. А месяца через два – три, после исчезновения очередного испытателя, опыты продолжают...

Да и дублёров ввели после того, как исчез второй испытатель. А поскольку исчезли только люди, а сами хронокафы возвращались в автономном режиме, то решили, что дублёру лучше сидеть в резервном, втором хронокафе. К тому времени был изготовлен второй аппарат. Всех испытателей специально стали готовить для возможного срочного броска в межвременье и поиска там пропавшего человека. Только как его искать, если во всех случаях хрон

не давал точных координат остановки того времени, где попадал испытатель. Конечно, приближённые цифры аппаратура выдавала, но они были такими расплывчатыми, с таким большим разбросом, что точности повторного попадания невозможно было гарантировать. Поэтому, если дублёру придётся идти на выручку товарища, то он может рассчитывать только на «авось». Вероятность повторного попадания очень маленькая.

Возникает законный вопрос: «А зачем идти на помощь пропавшему во времени, если нет гарантий, что ему можно помочь?» Или дублёры нужны для успокоения совести? Что вот, товарища в беде не бросаем, делаем всё, что можно, а выйдет или нет – будем надеяться на лучшее. Наверное, так и получается, если смотреть с логической точки зрения. Но с другой стороны это опять же проверка людей. Потому что хроны обкатывают не только автоматы, но и люди. А как они себя поведут там, в межвременье или в другом времени, зависит от них самих. И если что-нибудь случится с основным испытателем, то дублёр пойдёт ему на выручку не для успокоения совести, а для того, чтобы помочь попавшему в беду. Чтобы выполнить непреложный закон нашего нового времени: всегда оказывать помощь тем, кто в ней нуждается. Поэтому и сидят дублёры, скучают во время испытаний, но если что случится...

Ну вот, не успел подумать об исчезновениях, как сигнал зазвенел. Авария, значит. Но не у меня, а на основном хроноскафе. У меня на пульте все индикаторы нормальный режим работы показывают...

На мониторах народ засуетился. Что-то, очевидно, произошло с хроном Дрея.

Вылез я из капсулы, а ко мне руководитель испытаний подходит. Взволнованный, взъерошенный.

– Дрей исчез, – говорит.

С того момента, когда второй испытатель исчез, год прошёл. Эти случаи забываются как-то стали. И вот...

2

10 час. 20 мин.

...дублирующий хроноскоп с испытателем Кедринным готов к повторению опыта. Хроноскоп с Дреем ещё не вышел из автономного режима...

(из журнала испытаний)

По инструкции дублёру полагается во время происшествия с основным испытателем их капсулы не выходить. Но дело в том, что исчезновение Дрея как-то странно на меня подействовало, и я даже сам не понимаю, как вылез наружу. Но это сделать всё равно пришлось бы, потому что появился академик Новиков. В научных кругах его считают «отцом хронофизики». Кто «мать» – я не в курсе. Хотя он и производит неприятное впечатление, но, как мне кажется, звание своё носит не напрасно. Очень умный человек.

Новикову, очевидно, сообщили насчёт Дрея, потому что он появился буквально через минуту после аварии. И сразу направился к хроно Дрея.

А надо сказать, когда хроноскоп находится в рабочем режиме или в автономе, то картина довольно-таки непонятная. Стоит на бетонном постаменте толщиной два метра, специально сделанном таким, чтобы гасить различные вибрации, матовый шар и то появляется в воздухе, то, как бы наполовину, растворяется. Будто маревом скрытый. Колеблется весь...

Постоял Новиков немного возле этого призрака, пожевал губами в раздумье, и ко мне направился.

– Вы Кедрин? – спрашивает.

– Да, – отвечаю. Ему, конечно, доложили, кто дублёр на этих испытаниях, хотя он, конечно, всех испытателей в лицо не знает. Нам же начальство в лицо знать нужно обязательно.

– Вы готовы к полёту?

Я пожал плечами. Странная у него манера: ходку во времени называть полётом. Хотя – каждому своё.

– Координат известны? – обратился Новиков к руководителю испытаний. На этот раз аппаратура не подвела, и тот смело сказал:

– Они в автомате дубль-хроноскопа записаны. Но вероятность вторичного попадания очень мала. Разброс большой...

О причинах разброса он не стал распространяться. Мог бы, кстати, и не упоминать про него.

Новиков поскрёб висок, есть у него такая привычка, и ко мне повернулся.

– Вы понимаете, какая трудная задача поставлена перед вами? – спрашивает.

А чего тут не понимать? Инструктаж каждый день получаем.

– Разве каждое испытание не трудная задача? – сказал я.

Новиков хмуро посмотрел на меня, но сразу глаза отвёл.

– Тем лучше... Я просто хочу вас предупредить. Ничего, что повторяюсь, но это нужно. История с Дреем может повториться и с вами. Кроме того, если вы попадёте раньше Дрея, то его, естественно, не найдёте. Он ещё не прибудет. Тогда сразу возвращайтесь. Повторим попытку... Ну, а если вдруг позже, и если вам повезёт и вы обнаружите его, то постарайтесь помочь. Чего бы вам это не стоило...

Странно слышать такие речи от Новикова. Требовать он умеет, но просить – никогда. Первый раз, услышав от него такие слова, я даже растерялся.

Понятно, конечно, почему он так за Дрея беспокоится. Что ни говори, а хоть плохими, но друзьями они остались. Их часто на испытаниях вместе видели. Всегда спорят, ругаются...

– Постарайтесь вернуться. Если не вместе, то хотя бы один... А то боюсь, закроют наше мероприятие, когда узнают, что сразу двое пропали.

Мне стало немного жаль академика. Всё-таки ответственность на нём большая лежит. И если с нами, испытателями-временщиками, что-нибудь случается – ему больше всех достанется.

– Не волнуйтесь, Игнат Семёнович, – сказал я. – Всё будет в норме.

Он опять посмотрел мне в глаза, но уже не хмуро, взгляда не отвёл и руку протянул.

– Желая удачи, – сказал. – До встречи.

– Спасибо, – я пожал её, а потом помахал своей рукой народу, который, оказывается, во время нашего разговора, вокруг площадки толпился. За Дрея переживают... Его все любят и уважают.

Когда я в кресло усаживался, в люке хрона голова Новикова показалась.

– И последнее, – сказал он. – Ни при каких обстоятельствах и ситуациях ни во что не вмешивайтесь. Это приказ!

Снова я услышал знакомые новиковские нотки.

– Слушаюсь! – браво гаркнул я и прикоснулся к виску рукой.

Но в данный момент это получилось как-то по-идиотски. Новиков только хмуро покачал головой. Люк захлопнулся, и я заблокировал его изнутри.

Хождение во времени для новичка, если бы он попал сюда в первый раз, во многом напоминает космический полёт, а капсула внутри походит на первые космические корабли. Такая же тесная кабина, с небольшим креслом посередине. Мы даже ремнями пристёгиваемся, на случай различных «встрясок во времени». Аппаратуры кругом, пультов различных – видимо-невидимо. Интерьер необычный. Но что делать, ведь это только начало. Дальше – лучше будет. Дрей как-то говорил, что в будущем хроноскофы будут походить на обычный автомобиль. Сел и поехал во времени. Но это в будущем, а пока мучаемся с этими капсулами.

– Кедрин, к броску готовы? – это руководитель испытаний связь пробует. Тоже оригинальничает, хождение во времени, в отличие от Новикова, броском обзывает.

– Готов, – сообщил я. Пощёлкал тумблерами, потыкал пальцем в сенсорные переключатели. Автомат принял начальную программу, помигал разноцветными огоньками. На мониторе высветил: «Готовность №2».

Я защёлкнул карабины привязных ремней. Надел на голову шлём, тоже для страховки. Удобно расположился в кресле.

– Готовность номер один, – сказал голос в наушниках.

– Есть готовность, – повторил я и нажал кнопку предварительного старта.

На мониторе появились цифры 110.168, а перед ними знак минус. Это означало, что Дрей находится сейчас в этом году до нашей эры, и что с ним, где он, мне предстоит узнать. Так далеко я заберусь впервые. Но в этом виноват «временной разлом», куда так неудачно угодил Дрей.

Точно в этот год я, наверное, не попаду. Из-за рассеянной мощности хроноскофов, разброс по времени пока большой. Скорее всего, я окажусь ближе или дальше по отношению к тому времени, лет на пять или десять. Дрей, наверное, постареет или пропадёт, когда я появлюсь. А может быть, устав от ожидания, уйдёт странствовать по древней земле. Придётся мне возвращаться без него. Это не логические рассуждения или выводы. Это просто интуиция моя так подсказывает, а она меня редко подводит.

На мониторе надпись сменилась на «Готовность №1». Затикал метроном, отсчитывая секунды. Появились цифры в нижнем углу монитора, стали меняться в такт тиканью: 30, 29, 28...15, 14... 9...

– Пошёл! – почему-то крикнул в наушниках руководитель испытаний.

Чего они так волнуются? Не в первый раз люди пропадают. Вот, правда, их спасать – это впервые. Что ж, буду пионером в этом благородном деле.

Капсула загудела, и у меня внутри резонансом ответило какое-то гудение. Но так всегда бывает при хождении в межвременье...

На весь экран монитора выплыл ноль, и сразу стало тихо. Внутри у меня потеплело, глаза защипало от набежавших слёз. Сколько раз ходил во времени, всегда одно и тоже начинается. Потом зубы заноят, голова закружится, и в животе появится ощущение пустоты. И точно – через минуту всё это началось. И прошло...

Цифры на мониторе, показывающие годы, слились в белые пятна. Я шёл сквозь время.

3

10 час. 45 мин.

*...хроноскоф Дрея вышел из автономного режима. Испытателя Дрея внутри нет...
Хроноскоф с Кедриным ушёл согласно полученным координатам. Движение идёт
в стандартном рабочем режиме. Отклонений нет...
(из журнала испытаний)*

Хронофизика пока малоизвестная наука. Началась она с одних неудач, а их афишировать не очень-то кому хочется. Зародилась она давно, и сначала разрабатывались одни лишь гипотезы и догадки о самом понятии время, о физической сущности этой четвёртой пространственной координаты. Потом, когда сумели подвести под неё научную основу и перешли к практическим исследованиям и работам, неудачи стали переживаться сильнее. Сначала не могли хроноскоф сделать. Но всё-таки изготовили. Потом не могли заставить его работать так, как нужно. Заставили... Теперь люди стали пропадать.

Поэтому хронофизика находилась под большим секретом, и на данном этапе ею занимался только один наш институт, который носит ничем не привлекательное название: «НИИ нестандартной физики». Сам я попал в него очень просто. По распределению. Правда, когда мне предложили пойти в этот институт, я вначале заколебался. Мечта попасть в космос привела меня в физико-технический институт. Но на третьем курсе я в составе альпинистской группы института во время восхождения на Казбек, упал в снежную трещину, заработал перелом ключицы и хронический насморк. Дорога в космос оказалась для меня закрытой. Правда, всего лишь на некоторое время, поскольку недалеко оставалось до того времени, когда в космос будут брать и с хроническим насморком. Однако мне хотелось попасть куда-нибудь на космодром, поближе к ракетам, чтобы было проще осуществить свою мечту. Предложение пойти в НИИНФ, название которого мне ровным счётом ничего не говорило, оказалось для меня неожиданным. Но, подумав, что в космос я всегда успею, было бы желание, согласился.

Так я попал в испытатели-временщики к академику Новикову. После года подготовки и обучения, меня утвердили в настоящей должности, взяв в испытатели не только потому, что здоровье, несмотря на насморк, у меня хорошее, но и то, что я практиковался как специалист по кибернетическим устройствам управления. А так как во всех аварийных ситуациях чаще всего обвинялась автоматика, то меня очень быстро допустили к хождению во времени.

Само хождение во времени – это испытание, и не только хроноскофа, но и человека. С каждой новой ходкой аппаратуры в капсуле появляется всё больше и больше. И нужно всё знать: для чего такой-то прибор, такая-то кнопка, такой-то тумблер. Перед каждым испытанием мы тщательно изучаем принцип работы и порядок включения всего, что находится в хроноскофе. Тут особых затруднений для меня не возникает. Но, если по автоматике я, своего рода, ас, то основные постулаты хронофизики и, вообще, как происходит перемещение в межвременном пространстве, я толком объяснить какому-нибудь любопытному не смогу. Многие из современных людей, например, не смогут объяснить принцип работы телевизора, а, тем более, основы телевидения, хотя очень часто смотрят на его экран. Если спросить: «Как, да что, и почему?» – то обычно отвечают: «Показывает, а как?..» – и плечами пожимают. Аналогично и я могу сказать: «Двигается хроноскоф во времени, а как...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.